

В судебном процессе, который мы кратко обозвали как дело «омского Раскольникова», состоялись прения сторон. Гособвинение и защита подсудимого диаметрально разошлись в вопросе виновности 34 летнего Дмитрия Кузнецова, которому вменяется убийство родной бабушки с отягчающими обстоятельствами. Прокуратура запросила 10 лет тюрьмы в колонии строгого режима, адвокат – полного оправдания и реабилитации своего доверителя...

«Конём ходи! Конём!!!»

Судья Советского районного суда г.Омска Вадим Хроменок определил, что первым выступать в прениях будет гособвинение. Прокуратура, попросив вернуться к процедуре судебного следствия, заявила ходатайство о возвращении материалов уголовного дела №294508 в надзорное ведомство. По словам заместителя прокурора САО г.Омска Виталия Петрякова, «для доследования и предъявления нового обвинения в порядке статьи 237 УПК РФ». Для разрешения ходатайства по существу суд объявил перерыв.

«Шекспировская пауза» была полна соответствующих страстей. По словам адвоката Натальи Асташиной, «что-то в этом роде – «ход конем» со стороны гособвинения я предполагала. Но не столь же прямолинейную попытку спасти развалившееся обвинение! Заяви мы такое – нам бы отказали, сто процентов!!». По мнению защиты, подобное ходатайство, если оно останется без удовлетворения суда, по сути, должно означать капитуляцию стороны обвинения. «Формально прокурор признает и, видимо, понимает, что предъявлять обвинение, основываясь только на материалах предварительного следствия, у него не получится». Родственники Д.Кузнецова, чьи эмоции за полгода судебных баталий уже зашкаливают, предположили, что «на судью могут оказать давление в целях принятия нужного прокуратуре решения». Уж не знаю, до каких «высоких сфер» добрались бы разгоряченные граждане, но прозвучало сакраментальное «Встать! Суд идет!» и председательствующий Вадим Хроменок зачитал свой вердикт на ходатайство прокуратуры – «отказать».

В обосновании своего решения судья сделал упор на то обстоятельство, что за полгода у гособвинения была возможность снять любые возникшие противоречия, пригласить любых свидетелей и провести все необходимые экспертизы. Приступили к прениям...

Не знаем как, но убил!

Не смотря на отказ суда вернуть уголовное дело в прокуратуру для корректировки обвинения, гособвинитель в своей речи практически полностью сослался на материалы предварительного следствия.

Наиболее полно и точно свою позицию прокурор Петряков отразил в словах: **«Мы точно не знаем как, но уверены, что Кузнецов убил свою бабушку»**

. По мнению гособвинения, преступление оказалось не очевидным благодаря личности подозреваемого, физиологическим особенностям бабушки и неоднозначным выводам судмедэкспертов. А далее, как говорится, по тексту. Со ссылкой на заключение все того же судмедэксперта Хорошкиной, которое построено на ошибочных выводах. Это признали ВСЕ опрошенные в ходе судебного следствия коллеги-эксперты. Главным же аргументом прокуратуры стали признательные показания внука, «данные им добровольно и достаточно полно». Соотношение показаний и фактов «допустимо и достоверно». Как итог, гособвинение попросило приговорить Дмитрия Кузнецова к 10 годам лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима.

Первое слово, дороже второго???

Суд дал слово стороне защиты. Адвокат Наталья Асташина сочла возможным отреагировать на речь гособвинения в целом: «Конечно, я в глубине души таила надежду, что прокуратура откажется поддержать обвинение, что было бы и логично, и профессионально, и по-человечески честно». По мнению защитника, следствие и обвинение не представили суду достоверных и достаточных данных о том, что **смерть пенсионерки Ерофеевой Е.Н. была насильственной, и что ее причинил погибшей именно внук Кузнецов**

.

Все доводы предварительного следствия базируются на признательных показаниях подозреваемого, которые в силу противоречий и получения под физическим и моральным давлением защита просит признать не допустимыми и исключить из

материалов дела. А еще адвокат попросила исключить протокол, который Кузнецов подписал без присутствия защитника. Еще – исключить материалы первичного «осмотра места преступления», который изобилует неточностями, описками и отсутствием какой-либо конкретики. Также – исключить повторный «осмотр места преступления», который следствие обозвало «осмотром», но провело со всеми квалифицирующими признаками «проверки показания на месте» или «следственного эксперимента». И так – по каждому «пункту» обвинения. Не согласие, не правильные выводы, нарушения, неточности, противоречия...

«Половина мозга» – это диагноз

В данном контексте, когда пути-дороги защиты и обвинения кардинально разошлись (что само по себе и понятно), хотелось бы обратить внимание на интересную попытку защиты реконструировать события того злополучного дня. «При объективном не предвзятом соотнесении всех физически ощутимых данных, имеющихся в судопроизводстве, получается, что перед нами случай классического суицида», - убеждена адвокат Асташина.

Вот логика защиты. Глубоко больная пожилая женщина, страдающая сахарным диабетом, слабоумием на грани маразма никак не могла найти душевный покой (по результатам вскрытия болезнь съела у восьмидесятилетней пенсионерки половину мозга). В большей степени, видимо, из-за сурового медицинского диагноза, по мнению окружающих, из-за скверного характера. Болезнь прогрессировала, а на взгляд родственников «бабушке нигде не нравилось». Ни в Молдове, ни в Казахстане, ни в Омске. По мнению адвоката, свидетельские показания дают основания полагать, что уже не один год женщина вынашивала мысль о самоубийстве. Она и высказывала ее открыто, но никто всерьез ее не воспринимал. Сама – с помощью службы соцзащиты – пенсионерка оформила документы и ушла жить в геронтологический центр, но и оттуда

она через некоторое время стала проситься домой. Одна из причин – возможно, что свести счеты с жизнью под наблюдением медперсонала ей было бы невозможно. Хотя уже тогда в доме престарелых Ерофеева стала готовиться к суициду – нарывала веревки и всегда держала их «под рукой».

Понятное дело, что и дома ей никто бы не позволил уйти из жизни. В доме постоянно находился кто-то из домочадцев. Но случай представился, и случилось это именно 21-го июня 2013 года. Младший внук уехал на вахту на Север, дочь с мужем уехала в родную Колосовку, старший внук прихворал и практически не вставал с кровати. Неожиданно для Дмитрия Кузнецова бабушка в тот день попросила сфотографировать ее с собакой – «чего раньше никогда не просила». Сама пожарила картошку, накормила его. Было это днем, позже внук уже столкнулся с трупом бабушки во дворе дома где-то около девяти часов вечера.

Факты – вещь упрямая...

«Теперь от эмоций перейдем к языку фактов, - продолжила логику своих изысканий адвокат Асташина. – Последний звонок Ерофеева сделала своей подруге-соседке в 15-52 дня. Они проговорили 136 секунд, после чего пенсионерка сказала врезавшееся собеседнице в ухо «Прощай!». Так бабушка никогда не изъяснялась. Берем протокол осмотра трупа, состоявшийся в морге в 00-06 часов ночи. По данным судмедэксперта смерть наступила от 8 до 12-ти часов «как», получается где-то в промежутке между полуднем и 4-мя часами дня.

Время от полудня до 4-х часов мы исключаем, так как в 15-52 бабушка была жива и имела разговор по телефону со свидетельнице Волковой – в деле имеется распечатка телефонных соединений. Позже этого времени умереть Ерофеева не могла – тогда бы временной интервал, данный экспертом, был бы другой. Получается, что, поговорив с подругой и попрощавшись с ней, женщина пошла во двор, стянула с перекладины один из концов навязанной там веревки, сделала скользящую петлю, присела на свою скамеечку, которую всегда с собой носила по огороду, и съехала с нее вниз в положении полусидя. Рядом висела ее трость, лежала обувь. В таком положении и застал бабушку внук. Так мне видится предсмертная картина последних минут жизни Ерофеевой Е.Н.

Теперь что касается моего подзащитного Кузнецова. Здесь также соотнесем его показания – не «признательные», а правдивые с телефонными соединениями. Последний раз с бабушкой он виделся в доме на кухне где-то в час-два, после этого ушел к себе и проспал до восьми часов, после чего продолжал лежать в постели. В 20-28 ему позвонил знакомый таксист, которому нужен был мелкий ремонт авто или соответствующий инструмент для починки. По версии следствия, в это время Кузнецов уже убил бабушку – то ли подвесил ее в петлю, то ли собирался это сделать, но он... вопреки данным обстоятельствам соглашается помочь знакомому и дает ему согласие на оказание помощи. Полное отсутствие логики! Дальше ему звонят родители и просят полить огород, после этого Кузнецов выходит во двор и там обнаруживает уже не подающий признаков жизни труп бабушки. Он звонит знакомому участковому (21-45), потом в дежурную часть (21-49). И вот когда во дворе дома завертелась вся эта круговерть к дому подъезжает таксист и звонит Кузнецову на мобильный с тем, чтобы тот вышел за калитку. Все это подтверждается привязкой к базовым станциям. Подзащитный выходит – объясняет ситуацию, что помочь не может, обстоятельства не те – «умерла бабушка», дает человеку инструмент и тот уезжает. Если признать, что мой доверитель говорит правду, то все сходится с точностью до минуты.

Если предположить, что Кузнецов убил Ерофееву в промежуток времени между 20-28 и 21-45, то, во-первых, у него абсолютно не было времени на инсценировку самоубийства, на столь циничное и изощренное сокрытие всех улик. Во-вторых, тогда вскрытие бы

неизбежно показало 2-3 часа от времени наступления смерти. Ошибиться в такой ситуации крайне сложно даже эксперту с малым опытом.

Слова к делу «не пришьешь»!

Следствие же пошло по другому пути. Легкому и примитивному. Убедив Кузнецова, якобы, в неизбежности наказания - «результатов судмедэкспертизы и полиграфа будет достаточно, чтобы тебя посадить!», при полном попустительстве адвоката по назначению, оперативники склонили внука к признанию вины в обмен на освобождение «под подписку о не выезде».

Между тем, картина убийства не вписывается в результаты Повторной комиссионной комплексной судебно-медицинской экспертизы, где специалисты высшей квалификации однозначно исключают насильственный характер смерти пенсионерки и отсутствие каких-либо видимых следов на теле умершей, которые бы подтверждали признательные показания моего подозреваемого.

«А в связи с этим прошу суд моего подзащитного оправдать и признать за ним право на реабилитацию».

Завтра – последнее слово Дмитрия Кузнецова - нашего «омского Раскольникова» и вердикт суда.

Александр Грасс,

из зала Советского районного суда г.Омска